

О поэзии и поэтах

Из десятков существующих определений поэзии (дотошный филолог назовет сотню) сегодня нас не устраивает ни одно. И дело не в тектоническом сдвиге, обнажившем явления, ранее не замечаемые; и даже не в том, что нам посчастливилось посетить мир в цифровую эпоху, – просто, для сохранения русской поэтической культуры мы обязаны честно сформулировать, чем для нас является поэзия.

Уникальность и драматичность момента в том, что ни трактат Буало, ни формула Кольриджа или эссе М. Кузмина нас не выручат. И, конечно, постулаты «новейшей» (актуальной, современной и т. д.) поэзии, по сути являются слепком с чужой культуры (часто фрагментом слепка с фрагмента культуры) по ее состоянию полувековой давности. Пожалуй, правдивее всего был И. Анненский, заявивший, что он не знает, что такое поэзия, и что, *даже подобрав и сложив подходящие слова, всё равно никем бы не был понят*. В-общем, *определяя реальности, которые, по-видимому, лучше вовсе не определять*, мы выходим за границы повседневности – чтобы разгадать коан, неопиту нужно задействовать всю энергию и память. И здесь он перешагивает в сферу религии и становится многоликим, ибо красота не знает границ. Причем, феномен личности поэта – соединение разных частей в одном – отдельная тема (назовем в качестве иллюстрации «Недоноска» Боратынского или - шире и наглядней - этажность «Альтиста Данилова»).

Но, если природа поэзии неопределима и бежит штампов, именно личность поэта – ключ к ее пониманию. Поэт – внешне гражданин мира, не выходящий из комнаты личного пространства, но в то же время внутренне он остается имперцем. Поэт – крайнее проявление творческого эгоизма, но одновременно он – *последний из стоящих в очереди*. Поэт – *иностранец* или *гадкий утенок*, еще не знающей своей участи, но смутно угадывающий будущую нобелевскую речь.

Нелинейность времени роднит поэтов разных эпох и, если поэт выступает в роли пророка или визионера – ландшафт поэзии неизмеримо шире дачной лужайки – он одновременно обращен в будущее и скован традицией. В этой связи любопытно вспомнить «На смерть И. Б.» Гандлевского, с подчеркнутым влиянием Слуцкого и еще неясным предвидением «бессмертного полка». Будучи по натуре сложным, поэт чуждается манипуляций и не ходит строем под знаменем партийности в литературу.

ре. Его свобода и правота – отблеск свободы и правоты ему внушаемой и им же декларируемой.

Мне кажется, что поэзия более связана с внутренней работой: говоря истину с улыбкой, поэт слабыми токами возбуждает в читателе музыкальную гармонию. Путь перформанса и инсталляций – скорее, скатывание к актерству. А еще важно не забывать о рифме, без которой поэзия теряет дополнительное измерение (или измерения). Если в квантовой механике частица узнает частицу, перемигиваясь через бездну пространства, то здесь звезда с звездой говорит, выстраивая поэтический купол.

В-общем, речь идет о категории чудесного, элементе загадочного, – ведь неслучайно Заболоцкий лучшим определением для стихотворения считал его загадочность.

Примечание:

Герман Власов – поэт, переводчик, редактор. Живёт в Москве.